
Борису Фабриканту

В раннем детстве я, рот разинув,
За свободой ходил в кино.
Память, бабочка Мнемозина,
Залетела в моё окно.

От девчонок не пряча взора,
Постигал я начало Инь,
Быть отважным мечтал, как Зорро,
На глазах молодых богинь.

И душа, пробуждаясь, пела
И куда-то меня звала,
Беспокойно росла и крепла,
И любовь проросла из пепла,
А иначе и не могла.

Есть высоты и есть низины –
Ты всего лишь себя дари!
Память, бабочка Мнемозина,
Мой волшебный театр внутри.

Я своё писательство не брошу,
В молодости брошенный под пули.
Словно бы с меня содрали кожу –
И затем на место не вернули.

Превозмог тогда я смерти жатву,
И с тех пор свободой дышу я,
Словно бы на небе взяли клятву,
Что о самом главном расскажу я.

В смуглых косяках горящих зданий,
Подожжённых спичками страстей,
Скрипки пели о тшете страданий
Перед неизбежностью. Но чей

Голос из подвалов, из потёмков,
Сгрудившись в комочек, чуть дыща,
Плачет, точно маленький ребёнок?
Ты ли это? Ты, моя душа?..

И дома, сторая, стали хлипки;
Рушились крылато этажи,
И опять в чаду запели скрипки –
Что-то роковое для души.

И, казалось, это всё – не с нами;
Рассосётся призрак – только тронь!
Точно эти скрипки сами, сами
Разожгли в душе моей огонь...

Точно кто-то в эту же минуту,
В том же самом гиблом, страшном сне
Пил за всех оставшихся цыкуну.
И твердил, что истина – в вине.

ЦУТЦВАНГ

Толпа площадная опять не даёт мне прохода.
Гроссмейстер застыл над доской в ожидании хода.
Идём босиком мы по тоненьким краешкам лезвий,
И хочется нам, чтобы времени ход был полезным.

Цутцванг – это долгое бремя от Цута до Цванга.
Об этом писала баллады безумная Ванга.
Цутцванг – это путы, сомненья, оковы, вериги.
Непруха, столбняк, депрессняк, пересмешник блицкрига.

Цутцванг – это мили пустыни от Инда до Ганга,
Об этом шептала Пилату безумная Банга.
Мы нежно станцуем с тобой аргентинское танго,
Мне страшно биенье сердец доводить до цутцванга!

Но выпад клинка ускоряет эффект бумеранга.
И каждый защитник невольно похож на подранка.
Гроссмейстер застыл над доской в ожидании хода.
И – нету полезных ходов у держав и народов.

ДОСТОЕВСКИЙ

Погрю Волгину

Нам казалась судьба его ломкою,
А Россия плыла Божедомкою.
Но в судьбе, эшафотом распатанной,
Он пророком восстал и глашатаем.
И, пока существует страдание,
Достоевский – моё достояние.

Он объездил отчизну с котомкою,
Обгоняемый славою громкою,
И управлялся с трудною ношею –
Князем Мышкиным, братом Алёшею.
Не посулами, не щедротами –
Русский гений растёт эшафотами.

Заворожены выюгою синего,
Подружились мы с крестною силою.
Если выпадет мне испытание,
Достоевский – моё достояние.
И, пока не закончилось пение,
Я – молчание. Я – терпение.

ПОСЛЕДНИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ПАРОХОД

Печальный философский пароход
Вдаль отплывал по воле негодяев.
Иван Ильин и Николай Бердяев,
Учёный и профессорский народ.

Холодным нетерпеньем сентября
Он покидал пределы Петрограда.
Чужбина – вот философу награда,
Вот любомудру алая заря.

И чайки в небе синем на беду
Чертили чутко огненные знаки
И провожали мысливших инако
В иную, чужеродную среду.

И мы грустим, заслышав позывные,
Секундных стрелок беспощадный бег.
Как бесприютен в мире человек!
Как быстротечны радости земные!

Припомнится иная подвечность,
Иная незапамятность придёт,
И всех живых отправит морем в вечность
Последний философский пароход.

Сквозь меня протекает река,
и плывут сквозь меня облака,
и, поскольку за всех я в ответе,
я беру у вас сердца бразды,
я, стеклянный сосуд для воды,
я, пейзаж, проступивший в портрете.

И плывут сквозь меня до сих пор
гребни снежные кряжистых гор,
и ныряет усатая нерпа –
то в пучину бесслёзной воды,
то, отняв у меня знак беды,
в бездну звёздную синего неба.

Эльдару Ахадову

В синем тумане грустного века
 Время уходит от человека.
 Всё остаётся, в сумраке бродит –
 Только лишь время, время уходит.
 И, отправляясь в келью поститься,
 Время забудет с нами проститься.
 И, обнуляя вечные списки,
 Время уйдёт от нас по-английски.
 Видишь, ручьями талого снега
 Время уходит от человека.

В темноте, где словно ни души,
 Серп луны срезает камыши.
 Только в глубине, над камышами,
 Ночь шуршит летучими мышами.
 И глухую, тихую обитель
 Прорезает мышь, как истребитель.

Беспризорны улицы давно.
 Только нам, не спящим, всё дано.
 Мир безмолвен, точно в день творенья.
 Пишут звёзды нам стихотворенья.
 Словно бы, усевшись на поляне,
 Спрашивают: «Как вы там, земляне?».

Спит в ночи, отбросив жизни груз,
 Звёздный наш ребёнок – Иисус.
 Раньше я не спал, случалось, сутками;
 Плавал по озёрной глади с утками.
 А теперь в тростинках камыша
 Слушает Вселенную душа.

Увяли листья лаванды,
 В садах отцвела сирень –
 И только миры Миранды
 Живут в тебе целый день.

И можешь махнуть в Милан ты,
 Послушать морской прибой –
 Повсюду миры Миранды
 Проследуют за тобой.

Так многое стало тленом,
 Сгорело в любви дотла,
 Но даже в дыму военном
 Миранда не умерла.

Открою окно веранды
И выйду в цветущий сад.
Пусть снова миры Миранды
Меня за собой манят.

БЕЛОЕ ДАО

То не солнце нещадно палит –
И течёт сквозь судьбу не вода – о! –
Над растерянным миром парит
Бесконечное белое дао.

Кто ты, дао? Не выдал ответ
И заоблачный гений Ландау.
И бесстрастно глядит нам вослед
Безмятежное белое дао.

Кто ты, дао? Чужой третий глаз?
Послепепельный сон Кракатау?
Ничего не попросит у нас
Бескорыстное белое дао.

Высоко забираясь в зенит,
Отправляя живущих в нокдаун,
Все народы в себе растворит
Бессердечное белое дао.

Растворяюсь и я в белизне,
Весь растраченный жизнью беспечной,
Чтобы плыть в голубой вышине
Белым дао любви бесконечной.

Я ИГРАЮ НА НЕВЕРОЯЛЕ

В затаённом сумеречном зале
Я играю на неверояле.
Только звёзды выдвинутся вдаль –
Зазвучит в тиши неверояль!

Тихим светом заслонив полмира,
Вспыхнет небо Внутренней Пальмиры.
И потребность создавать миры –
Дух всепонимающей игры.

Я играю на неверояле...
О таком слышали вы едва ли!
Замолкает на Неве рояль –
И звучит моя неверояль.